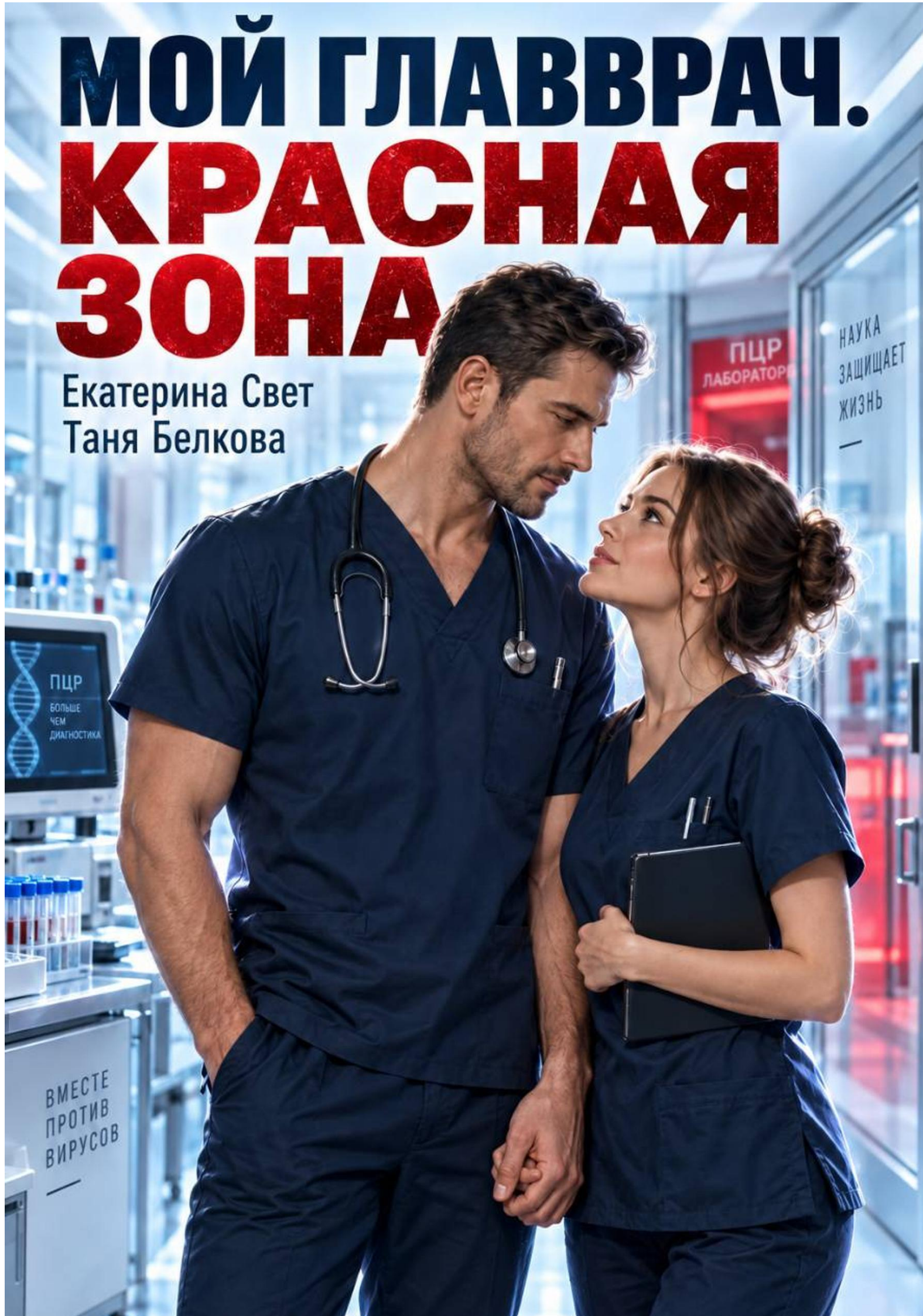

МОЙ ГЛАВВРАЧ. КРАСНАЯ ЗОНА

Екатерина Свет
Таня Белкова

Таня Белкова

Мой главврач. Красная зона

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой главврач. Красная зона / Т. Белкова — «Автор», «Автор»,
2026

Я, вирусолог Жанна Вольская, прилетела в Снежногорск, чтобы найти причину смертельной вспышки, а нашла мужчину, с которым страшно спорить — и еще страшнее расстаться. Главврач Игорь Седов не верит столичным ученым. Я не привыкла подчиняться. Но за дверью красной зоны люди задыхаются, и нам придется работать плечом к плечу. Пока мы ищем правду, хозяин комбината перекрывает кислород, а мэр требует моего молчания. Седов готов закрыть меня собой от любой опасности. Только прошлое не отпускает ни его, ни меня: он уже потерял любимую, а я слишком дорого заплатила за доверие. Здесь каждое прикосновение — обещание, которое может оборвать следующий тревожный звонок. Сумеет ли мы спасти город и рискнуть снова любить?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Екатерина Свет

Мой главврач. Красная зона

Мой главврач. Красная зона
Екатерина Свет и Тania Белкова

Глава

1

Вертолет проваливался в воздушные ямы с надсадным, скрежещущим стоном дюралевой обшивки. За выпуклым иллюминатором выла слепая январская пурга, термометр за бортом показывал минус тридцать два, а в неотапливаемом грузовом отсеке Ми-8 изо рта вырывался плотный сизый пар, мгновенно оседая колючим инеем на меховом вороте моей штормовой парки. Я сидела на откидном металлическом сиденье, намертво вцепившись побелевшими пальцами в ручки опломбированного кейса. Внутри, в мягких гнездах криоконтейнеров, дремали праймеры, ферменты и тестовые чипы нанопорового комплекса — единственное оружие, ради которого наш санитарный спецборт подняли из наукограда Кольцово в закрытое сибирское небо.

Машину снова швырнуло вниз, натянув привязные ремни до острой боли в ключицах. Бортовой зуммер зашелся визгливым предупреждением об опасном сближении с землей. Из приоткрытой бронедвери пилотской кабины донесся хриплый, сорванный крик командира:

— Полосу замело наглухо! Огни привода не пробивают поземку! Садимся вслепую, держитесь за переборки!

Вслепую — значило разбить аппаратуру о бетон и похоронить последнюю надежду задыхающегося Снежногогорска. Липкий страх попытался сжать горло, но я заставила себя глубоко вдохнуть морозный воздух. Отстегнув карабин, я поползла на четвереньках по вибрирующему рифленому полу в кабину пилотов.

— Вправо забирай, мачту срежем! — орал штурман в сплошное белое месиво за бронестеклом.

— Слушай меня! — я протиснулась между креслами, сорвав с плеча портативный инфракрасный визор из комплекта мобильной лаборатории. — Оптику глушит снег, но силовой кабель взлетно-посадочной полосы греет грунт! Я переключаю фильтр на тепловую длину волны силовых трасс! Смотри на дисплей!

Пальцы без перчаток моментально онемели от ледяных тумблеров. Я провернула кольцо селектора, и сквозь снежный хаос прорезалась четкая темно-красная полоса — тепловой створ подземной электромагистрали.

— Вижу створ! — выдохнул пилот, до упора переключив шаг винта.

Удар шасси о бетон отозвался глухим звоном во всех суставах. Вертолет юзом протаскило по насту, развернуло и с тяжелым хрустом вбило в метровый сугроб у края полосы. Турбины свистяще выдохнули и затихли. Мы сели. Живыми.

На летном поле нас встретил не санитарный кортеж, а рев бурана и парализующий страх. Тяжелый гусеничный тягач, который должен был взять на жесткую сцепку заранее доставлен-

ный арктический кунг «Секвенс-М» на шасси КАМАЗа, стоял с заглушенным двигателем. Водитель в замасленной овчине яростно отшвырнул буксировочный трос в снег:

— Не поеду к первой горбольнице! Хоть под трибунал! Мужики с комбината кровью харкают за два часа! Своя шкура ближе!

Я спрыгнула в сугроб, на ходу выдернула из кармана предписание с алой полосой особого санитарного допуска и взлетела на подножку кабины, глядя прямо в побелевшие от ужаса глаза мужика:

— В кунге аппаратура, без которой к утру здесь ляжет весь город, включая твоих детей. Если через тридцать секунд сцепка не тронется — я лично фиксирую саботаж карантинного спецрейса и сдаю тебя военному патрулю. Пошел!

Водитель сглотнул ком в горле, выругался сквозь зубы и рванул рычаги. Тяжелые гусеницы вспороли наст, и наш автопоезд, вздымая снежную крупу, двинулся по вымершим улицам моногорода.

Больничный городок встретил нас воем сирен и вспышками синих маяков. Пандус перед приемным покоем был намертво заблокирован: десяток скорых застряли в снежной каше, санитары бросали носилки на обледенелых ступенях, а обезумевшая толпа родственников ломилась в остекленные двери тамбура, колотя в них палками. Я перехватила внешний микрофон тягача, выкрутила мощность и на всю площадь объявила:

— Работает мобильная группа вирусологического контроля ГНЦ! Режим биологической опасности высшей категории! Освободить центральный пандус на три метра вправо! Водителям скорых — заглушить моторы и начать разгрузку через приемный шлюз!

Толпа ошеломленно замерла, машины начали расталкивать вручную, освобождая коридор к теплым гаражным воротам. В этот миг распашные двери тамбура с грохотом распахнулись.

На морозный воздух вышел человек.

Он был огромен — широкоплечий, мощный, в длинном прорезиненном фартуке поверх темно-синего хирургического костюма. Респиратор был сдернут на мощную шею, обнажая тяжелую челюсть с трехдневной щетиной и потрескавшиеся на ветру губы. Его серые, цвета застывшей речной стали глаза мгновенно нашли меня на подножке — сканирующий, беспощадный взгляд мужчины, не привыкшего к компромиссам.

Я спрыгнула на снег и шагнула к нему:

— Главврач Седов? Я старший научный сотрудник Вольская...

Седов отсек министерские бумаги резким, пренебрежительным взмахом ладони:

— Бумагами печь будете топить, доктор. У меня в реанимации сорок человек синеют от отека легких, еще двадцать лежат вповалку на полу. Мне нужны врачебные руки с интубационными трубками, а не столичные ревизоры с портфелями.

Кровь бросилась мне в лицо. Я сдернула капюшон, позволяя прядям волос хлестнуть по щекам, и подошла к нему вплотную — так близко, что почувствовала терпкий дух хлорамина, табака и запредельного мужского переутомления:

— Я не ревизор, Игорь Данилович. В кунге — единственный за Уралом комплекс глубокого нанопорового секвенирования. Пока вы жмете мешок Амбу, неизвестная дрянь выкосит весь ваш стационар. Загоняйте машину в бокс, подключайте резерв и дайте мне доступ к материалу.

Седов замер. Жесткая складка у губ дрогнула; на дне стальных глаз вспыхнул острый, оценивающий интерес к женщине, не дрогнувшей под его тяжелым взглядом.

— Комплекс — в первый гаражный бокс, запитать от резерва! — бросил он санитарам, не сводя с меня глаз. — А вас, Жанна Андреевна, прошу в сортировочный зал.

Внутри сортировочного покоя стоял тошнотворный дух хлорной извести, пота и сладковато-ржавого запаха крови. Кафель отражал бесконечный мучительный кашель рабочих металлургического комбината. Я поставила кейс на манипуляционный столик, вскрыла герметичные экспресс-тесты на грипп, РСВ и аденовирусы и взяла мазки из носоглотки у троих самых тяжелых пациентов. Десять минут томительного ожидания — и контрольные поля всех кассет остались безупречно белыми.

— Отрицательно, — процедила я сквозь зубы.

— Что это значит? — навис надо мной Седов.

— Это значит, что стандартные панели не видят возбудителя в упор.

В этот момент у мужчины на соседней каталке пульсоксиметр жалобно заверещал: сатурация на глазах обвалилась с 88% до катастрофических 54%! Я сорвала фонендоскоп с шеи дежурного врача и прижала мембрану к спине больного. В трубках стоял страшный снежный хруст и влажное бульканье тотального отека.

— Молниеносная токсическая деструкция альвеол! — я ударила ладонью по кнопке настенного селектора. — Это не сезонная инфекция! Немедленно перевести госпиталь на высший протокол биоопасности — КУБ-4! Прекратить общий прием, зал рассечь герметичными полиэтиленовыми шторами на изолированные секторы!

Седов мгновенно оценил масштаб угрозы; его зычный голос поднял оцепенелый персонал, и зал за считанные минуты разделили на красный, желтый и зеленый триаж.

Мы двинулись к шлюзу ОРИТ, когда в соединительном коридоре молодой санитар в панике выронил ручки каталки: колесо намертво заклинило в металлическом пороге. На каталке бился в судорогах парень лет двадцати, захлебываясь рвущейся через губы темной пенистой мокротой.

— Назад, Жанна! — Седов попытался загородить меня широкой спиной. — В коридоре вирусный аэрозоль запредельной плотности! Без изолирующего скафандра вы подпишете себе смертный приговор!

Я даже не стала слушать. Натянув на ходу двойные нитриловые перчатки и прижав к лицу респиратор FFP3, я решительно оттолкнула застывшего санитаря, навалилась бедром на раму каталки и со всей силы рванула застрявшее колесо вверх. Металл хрустнул, колесо выскочило из паза, и мы вкатили задыхающегося парня прямо в створ дезшлюза.

Седов посмотрел на меня через стекло очков взглядом, полным искреннего мужского восхищения:

— Железный характер, доктор Вольская. Скафандры на полке. Одеваемся, пойдете со мной в третий бокс.

В предбаннике чистой зоны, пропитанном парами спирта, под потолком с сухим треском лопнула лампа. Свет мигнул и погас: центральная городская сеть комбината отключилась. Тишину разорвали испуганные крики медсестер.

— Спокойно! — крикнула я, щелкая налобным фонарем на куртке.

Яркий луч рассек мрак, выхватив в углу массивную кованую рукоять аварийного ввода.

— Игорь, на два часа! Рубильник дизеля!

Седов в два шага преодолел комнату и с глухим рыком навалился на рычаг всем телом. В подвале утробно взревел дизель, и помещение залило тревожным рубиновым светом аварийных ламп. Вентиляция ожила. Седов сорвал со стеллажа тяжелый желтый комбинезон биозащиты:

— Одевайся, Жанна. Красная зона ждет.

Глава

2

Натянуть комбинезон высшей категории защиты ТИАБ-4 в одиночку — мучительная задача. Плотный прорезиненный материал сковывал движения. Я с трудом втиснула ноги в сапоги, продела руки в рукава, но карабин рамного блока воздуходува заклинило на морозе: силиконовая смазка превратилась в клей, стропы перекошились, намертво стянув лопатки и сдавив ребра тяжелой петлей.

— Не дергайся, — раздался за спиной низкий, ровный голос Седова.

Он подошел вплотную со спины. Его широкие, горячие ладони легли мне на плечи через тонкую хлопковую ткань медицинского белья — властные, излучающие уверенную мужскую силу. Пальцы опытного хирурга легко отжали заклинивший замок, расправляя закрученную стропу.

На долю секунды его дыхание коснулось открытого участка моей шеи — горячее, обжигающее в сыром холоде предшлюзника. Кожа мгновенно отозвалась колючими мурашками, мышцы спины невольно напряглись, а в горле пересохло от внезапной близости этой стихийной защитной силы.

— Спокойно, Жанна, — негромко произнес он у самого моего уха. — Броня должна сидеть как вторая кожа. Иначе внутри сделаешь одну ошибку.

Замок с мягким породистым щелчком встал в гнездо. Тяжесть аппарата легла на поясницу, дышать стало легко. Я спрятала вспыхнувший румянец за стеклом опускаемого шлема, поймав через прозрачный визор его пристальный, открытый взгляд серо-стальных глаз.

В шлюзовой тамбур мы вошли вдвоем: Седов, я и молоденькая медсестра Ксения, которую колотила нервная дрожь. И тут раздался звук, от которого леденеет кровь: звонкий хлопок — и следом яростный свист воздуха. Гофрированный резиновый шланг подачи смеси на костюме Ксении лопнул по продольному шву прямо у входного штуцера капюшона. Давление в шлеме девушки упало, внутрь со свистом потянуло наружный воздух. Ксения вскрикнула и судорожно вскинула руки к голове, готовая сорвать визор прямо в опасном отсеке.

— Стоять! — я перехватила ее запястья мертвой хваткой, заламывая руки вниз. — Не смей трогать замки! Дыши ровно!

Седов метнулся к металлической настенной аптечке ремонта СИЗ, рванул дверцу — но сургучная пломба и перекошенная петля намертво заклинили сталь. Я сорвала с кармана жилета рулон армированной самовулканизирующейся ленты «Био-Сток». Седов сдавил разорванный шланг пальцами, перекрывая подсос, а я в пять тугих слоев наложила герметичный бандаж прямо поверх трещины. Лента схватилась монолитом.

Седов нажал кнопку возврата на пульте:

— Назад ее, менять комплект!

Табло вспыхнуло алым: замок заблокирован. Автоматика уже зафиксировала цикл шлюзования, запечатав чистый контур на пятнадцать минут продувки.

Я брызнула на бандаж мыльной пеной из флакона: ни единого пузыря, манометр показывал стабильные 180 Па.

— Контур держит идеально, — твердо сказала я сквозь стекло. — В ОРИТ умирают люди, мы не можем ждать пятнадцать минут. Ксения идет с нами под мою ответственность.

Седов посмотрел на меня взглядом, полным уважения:

— Принято. Входим в камеру дезинфекции.

В камере с шипением ожили форсунки, обдав нас плотным туманом хлорамина и перекиси водорода. Скафандры надулись избыточным давлением. И вдруг правое ухо пронзила острая боль: выпускной клапан шлема залип в седле под тяжелой струей раствора. Избыточное давление подскочило, барабанную перепонку словно резали лезвием. Преодолевая боль, я наклонила голову вправо и через полимерный воротник пальцем подцепила край наружного обтекателя. Клапан щелкнул, стравливая излишек смеси. Давление выровнялось на +20 Па, режущая боль сменилась ровной пульсацией, и в наушниках зазвучало мое мерное дыхание.

Зеленый индикатор шлюза щелкнул, разрешая проход, но тяжелая стальная дверь примерзла уплотнителем к косяку из-за сквозняка вентиляционной шахты. Я сорвала со стены пожарный клин-распорку, вогнала его в щель и навалилась всем весом тела. Седов налег на стальную балку синхронно со мной. Резина с сухим треском оторвалась от промерзшего металла, и дверь с гулким шипением распахнулась.

Мы шагнули за порог.

Коридор реанимации гудел компрессорами ИВЛ, под ногами хрустели мокрые опилки с хлоркой, а в воздухе стоял тяжелый, тошнотворный дух распадающейся плоти, который не могли заглушить даже угольные фильтры. Мой анализатор биоаэрозолей зашкалил, показав предельную концентрацию частиц.

— Игорь! — крикнула я в гарнитуру. — Вентиляция захлебывается! Немедленно пере- вести рециркуляцию на прямой сброс через крышные бактерицидные фильтры, иначе начнется обратный подсос в палаты!

Седов рявкнул приказ инженеру по рации, и заслонки под потолком с грохотом отсекали возвратный поток. Затем его перчатка властно и надежно сжала мое плечо:

— Бокс три, Жанна. Бригадир Грачёв. Счет на секунды!

* * *

Мы влетели в третий бокс, сбив в сторону пластиковые шторы.

На функциональной кровати бился в судорогах гипоксического делирия мужчина лет сорока пяти с чугунным, фиолетовым лицом. Он слепо срывал электроды кардиомонитора, из раскрытого рта толчками шла темно-вишневая пена. Молоденький анестезиолог в ужасе пытался прижать его к матрасу. В этот миг Грачёв судорожно дернул ногой, зацепив тяжелую стойку капельницы: флакон с грохотом разлетелся о кафель, маска захлебнулась кровью.

— Отойди! — я оттолкнула анестезиолога плечом, набрав в шприц пропофол и миоре- лаксант короткого действия из аварийной укладки, и вогнала болюс в подключичный катетер. — Игорь, фиксируй голову!

Лекарство дошло до русла за секунды. Судороги прекратились, мышцы Грачёва обмякли. Но вместе с ними ушло и собственное дыхание: кривая дыхательного объема на мониторе вытянулась в мертвую горизонталь, сатурация рухнула до критических 48%!

Анестезиолог сжал мешок Амбу, но воздух со свистом вырывался наружу:

— Тотальный отек гортани, вход закрыт, он не интубируется!

— Клинок номер четыре и трубку-семерку на жестком проводнике! — отрезала я. — Только прямая ларингоскопия!

Седов молча встал у изголовья.левой рукой он запрокинул тяжелую голову больного и плавно ввел массивный клинок ларингоскопа, смещая распухший язык. Я непрерывно рабо- тала отсосом. И тут случилась беда: от запредельного физического напряжения визор Седова изнутри мгновенно заволокло белой пеленой конденсата. Он ослеп.

— Не вижу связок, — процедил он сквозь зубы.

— Держи клинок!

Я выхватила оптоволоконный стилет видеобронхоскопа, провела тонкий зонд вдоль стального желоба и вывела сигнал на боковой экран ИВЛ. Там вспыхнула багровая, пузыря- щаяся щель голосового аппарата.

— Связки на одиннадцать часов, за валиком отека! — командовала я прямо в его наушник. — Вправо на три миллиметра! Ниже! Еще два миллиметра!

На мониторе пульс Грачёва падал: сорок... тридцать два... Брадикардия грозила фатальной асистолией. Я ввела атропин, направляя зонд. Седов доверился моему голосу и чуткости пальцев хирурга. Трубка скользнула по хрящу и с мягким щелчком ушла в трахею!

— Есть трахея! — выдохнул он.

Я загнала воздух в манжету шприцем. И в этот миг из трубки под давлением фонтаном ударила струя маслянистой темной жижи с запахом горелой резины и хлорорганики! Вместо банки отсоса я мгновенно состыковала с трубкой стерильный кварцевый цилиндр ловушки, врубив вакуумный насос на -0.8 бар. Двести пятьдесят миллилитров токсичного яда заполнили колбу, очистив дыхательные пути.

Шланги ИВЛ щелкнули в замках. Аппарат нагнетал смесь, но левое легкое оставалось склеенным, сатурация застыла на 62%.

— Сурфактант сожжен химикатом, — я заправила флакон синтетического сурфактанта в микроструйный небулайзер, выставив РЕЕР на 12 см водного столба.

Положив ладони на левую половину груди Грачёва, я начала вибрирующий массаж на аппаратном вдохе. Седов накрыл мои руки своими, и мы давили синхронно с ритмом машины, передавая больному тепло и силу. Раздался тихий влажный хруст — легкое расправилось. Сатурация взлетела: семьдесят... восемьдесят пять... девяносто пять процентов! Сердце успокоилось на устойчивых 80 ударах.

Седов зафиксировал трубку пластырем. И вдруг слабая рука Грачёва судорожно вцепилась в его рукав. Бригадир открыл налитые кровью глаза, губы зашевелились вокруг трубки. Я подала ему карандаш и лист из дежурного планшета. Он с трудом выводил слова, а я читала их Седову вслух:

— Седов... слышишь... не зараза это... Третий накопитель, прорвало дамбу в тайгу, к водозабору... Чайка велел молчать... мы в четвертом цехе варили хлорбензол без очистки... спаси ребят...

Пальцы разжались, бригадир погрузился в глубокий лечебный сон.

Я посмотрела на кварцевый цилиндр в своих руках. Бесценная улика была добыта.

Глава

3

В чистую шлюзовую ординаторскую я вернулась с кейсом биоматериала. Мы едва успели пройти обработку и снять костюмы, как рация на поясе взорвалась отчаянным треском:

— Жанна Андреевна! — кричал ведущий инженер Сергей Сомов. — В гараже сквозняк через сорванные створки ворот! Тепловой контур кунга не держит, в отсеке реагентов минус три, ферменты кристаллизуются! Включаю дизельную тепловую пушку!

— Сомов, отставить пушку! — закричала я в рацию. — Прямой нагрев даст термошок, белки полимеразы свернутся! Готовь трис-буфер и глицерин, я бегу!

Я выскочила в холодный переход в куртке поверх тонкого хирургического костюма. В кунге стоял сизый морозный пар. Сомов с трясущимися руками собирался плеснуть физраствор в штатив с культурами клеток Vero E6.

— Стой, кристаллы соли разорвут мембраны! — я перехватила дозатор и по каплям ввела в лунки концентрированный ДМСО с сывороткой. Температура фазового перехода сместилась к -20°C без образования кристаллов льда, живые клетки были спасены.

В ламинарном шкафу пробирки с ферментами нанопорового анализа покрылись наледью, по резьбе одной побежала микротрещина. Я сдернула свитер, обхватила металлический штатив голыми ладонями и прижала к теплomu животу под термобельем, согревая ферменты собственным телом. Холод невыносимо обжигал кожу, но я стиснула зубы. В этот момент водитель скорой дядя Коля запечатал дверной проем тяжелым армейским брезентом, отсекая сквозняк. Температура поднялась до безопасных $+4^{\circ}\text{C}$, трещину я заклеила парафильмом. Реактивы выжили.

Когда кунг прогрелся до двадцати двух градусов, считывающие оптические ячейки секвенатора MinION покрылись конденсатом, прибор выдал системный отказ оптики.

— Запотело сапфировое стекло лазерной камеры, — с тоской произнес Сомов.

— Никаких салфеток, — я взяла баллон с чистым медицинским азотом и тонкую тефлоновую канюлю. Короткими импульсами сухого газа я продула шахту, испарив влагу без единого прикосновения к линзе. Сапфировая оптика засияла кристальным, чистейшим васильково-синим блеском — глубокий сапфир, не знающий помутнения даже на лютом сибирском морозе, символ нестигаемой научной истины и чистоты. Прибор показал норму.

Затем терминал затребовал шестнадцатизначный криптографический мастер-пароль разработчика. Я без запинки вбила по памяти код, созданный мной на заводских испытаниях: «7F-4B-99-A1-E4-02-C8-3D». Блокировка растаяла.

Сомов вынул проточную ячейку Flongle, но от волнения выронил ее. В резком выпаде я кончиками пальцев поймала хрупкую микросхему у самого рифленого пола и вщелкнула в слот. Экран подтвердил: 512 активных пор.

Телефонный провод во дворе был оборван наледью. Я вышла на ступени трапа в метель и щелкнула тумблером мачты: мощный изумрудный луч кругового маяка прорезал буран и ударил в окно ординаторской Седова. Он салютовал мне рукой из окна. Лаборатория была спасена и готова к работе.

* * *

В кунге царила стерильная, натянутая тишина. На часах была полночь.

Я сидела перед ламинаром безопасности третьего класса. Алмазным карандашом на кварцевой колбе Грачёва я вырезала несмываемую насечку: «СНЕЖНОГОРСК-01-ГРАЧЕВ-ОРИТ3-15.01». Ультразвуковой дезинтегратор за минуту разрушил слизистые конгломераты.

Полимерная муть забила капилляр робота, и я перешла на ручное выделение: внесла протеиназу-К, прогрела до 56°C и открутила пробы на центрифуге при 14 000 оборотах. Под изопропанолом выпало радужно опалесцирующее кольцо чистой вирусной РНК.

Я нанесла 75 микролитров библиотеки в порт ячейки. Сквозь сапфировое окно вспыхнул рубиновый лазер. Первые тридцать тысяч прочтений дали нулевое совпадение с базами природных патогенов.

— Убери поиск по природным изолятам, — велела я Сомову. — Запусти базу закрытого мутагенеза под воздействием супертоксикантов.

Экран ожил: на мониторе выстроилась непрерывная цепочка длиной 29 800 нуклеотидов. Респираторный патоген нес чудовищные синтетические изменения.

К первому часу ночи глаза жгло огнем, пальцы дрожали от предельного напряжения. Я уронила голову на скрещенные руки перед мерцающим монитором.

Дверь тамбура тихо скрипнула. В отсек кунга вошел Седов: на нем еще был застегнутый до горла защитный штормовой бушлат дежурного врача приемного покоя, на плечах таяли колючие снежинки. Его широкая, горячая ладонь легла мне на плечо, бережно согревая озябшую шею. В этом прикосновении сквозь ткань было столько немого мужского сопереживания и защитной силы, что внутри отпустил железный узел тревоги.

Я подняла глаза, встречая его глубокий, усталый, но абсолютно спокойный взгляд серо-стальных глаз:

— Держись, Жанна. Ты вытащила бригадира Грачёва и спасла аппаратуру. Теперь наш черед держать удар.

Он протянул мне термос с горячим крепким чаем:

— Сделай глоток. Сжечь себя я тебе не позволю.

Горячий терпкий глоток снял спазм в висках, вернув ясность мысли.

— Показывай, что выдал прибор, — тихо произнес он, становясь за моей спиной и вглядываясь в экран.

Я вывела трехмерную кристаллографическую модель капсида. В рецепторный спайк-белок были неестественно, ковалентно вшиты синтетические хлорорганические кольца.

— Смотри, Игорь! — мой голос зазвенел от научного потрясения. — Это не природный патоген! В белковую матрицу капсида намертво встроены синтетические хлорированные ароматические углеводороды! Они работают как гидрофобный клин, растворяющий липидную оболочку альвеол за секунды! А такая ковалентная сшивка возможна только в одном случае: если обычный респираторный вирус неделями циркулировал и мутировал в кипящих промышленных стоках токсичного шлама при температуре выше семидесяти градусов!

Седов окаменел, желваки на его скулах вздулись:

— Третий шламонакопитель комбината. Значит, Грачёв не бредил: дамбу прорвало, и ядовитый шлам хлынул к водозабору города. Они скрыли катастрофу и молчали, обрекая людей на смерть.

В этот миг радиостанция ГО взвыла вызовом. Седов нажал громкую связь, и из динамика раздался истеричный голос мэра Платонова:

— Седов! Твоя заезжая фифа ставит диагноз "токсическая деструкция"! Ты срываешь контракты комбината! Немедленно переписать карты на сезонную ОРВИ и изъять у девки накопители! Иначе к утру ЧОП перекроет больницу колючей проволокой, а москвичка сядет за диверсию!

Я сжала кулаки, но Седов перехватил тангенту и заговорил тихо, низко, с вибрирующей мощностью:

— Слушай сюда, Платонов. В моем отделении сорок рабочих харкают легкими. У нас на руках полный геном мутанта с вашей химической меткой и показания Грачёва. Карантин закрыт, госпиталь под моим личным управлением. Если хоть один твой бандит сунется к больнице или тронет Жанну — я спущу с него шкуру. Город закрыт. Мы начинаем войну.

Он с размаху опустил тангенту, обрывая эфир.

Затем повернулся ко мне, сжал мои пальцы в горячей ладони и произнес:

— Отстоим всё, Жанна. Никому тебя не отдам. А сейчас — в центральный шлюз деконтаминации. Смыть этот яд, пройти полный санитарный цикл, принять наконец горячий душ. Впереди бессонная ночь и решающий бой.

Он распахнул передо мной массивную гермодверь, и в начале второго ночи мы шагнули в шлюзовую блок санитарного пропускника — навстречу неизвестности, блокаде и горячим струям дезраствора, смывающим токсичную пыль первой смертельной битвы.

* * *

Тяжелая герметичная дверь инфекционного отсека захлопнулась за нашими спинами с глухим, замогильным лязгом стальных ригелей. На часах было полвторого ночи. Мы стояли в первой камере центрального санитарного пропускника — узком кафельном пенале, залитом мертвенным желтоватым светом. Тело гудело от свинцовой, нечеловеческой усталости. Восемь часов непрерывного ада в реанимационном боксе Грачёва, борьба за каждый миллилитр кислорода, едкий смрад горелой резины и разлагающейся крови, ледяной рывок к лабораторному кунгу «Секвенс-М» с живыми пробами патогена сквозь буран и первый ночной бой с угрозами мэрии — всё это осталось позади. После лаборатории нам предстоял заключительный санитарный цикл перед переходом в жилое крыло. Для него мы надели защитные комбинезоны из шлюзового резерва; использованные в реанимации ТИАБ-4 уже лежали в приемнике грязной зоны.

Под потолком с ревом включились насосы высокого давления. Сверху и с боков ударили упругие струи горячего щелочного раствора, вспениваясь на ткани скафандров. Но едва я повернулась, смывая аэрозольный налет с груди, как верхний распылительный коллектор жалобно зашипел: известковый осадок из старых труб намертво забил форсунки. Струи били только снизу, оставляя капюшон, плечи и затылок неочищенными.

Я указала рукой на настенный гидрант ручного омыва. Седов мгновенно понял меня без слов: сорвал тяжелый шланг со скобы, повернул вентиль до упора и плотной горячей струей хлоргексидина и перекиси бережно, методично промыл мой шлем, спину и плечи, смывая ядовитую слизь в сточный трап.

— Порядок, Жанна, чистая, — глухо донесся его голос из динамика.

Я попыталась завести руку за спину, чтобы расстегнуть силовой замок гермомолнии, но бегунок перекосялся и намертво заклинил между лопатками. Пальцы в толстых перчатках бес- сильно соскальзывали со шнура.

— Игорь, молния на спине заела. Помоги.

Седов шагнул ко мне вплотную со спины. Его ладони осторожно нащупали замок, сквозь выдыхаемый из клапана теплый воздух согрели металл и плавно, зубец за зубцом, потянули бегунок вниз. Замок с мягким треском разошелся, распахивая створки костюма и впуская волну свежего воздуха.

Я шагнула вперед, стремясь переступить санитарный порог в чистый отсек, но ноги в мокрых гладких бахилах предательски разъехались на скользком мыльном настиле. Земля ушла из-под ног, я полетела спиной назад, прямо на острый угол стального бака утилизации.

Вскрик застрял в горле. Но падения не случилось: мощная рука Седова молниеносно метнулась вперед, обвила мою талию и единым слитным движением прижала меня к его широ- кой груди, намертво удерживая от удара.

Несколько секунд мы стояли в полной тишине под стекающими струями дезраствора. Сквозь мокрый комбинезон я ощутила бешеный, ровный гул его сильного сердца и живое тепло крепкого тела.

— Держу, Жанна. Всё хорошо, держу, — негромко сказал он и бережно поставил меня на сухой резиновый коврик.

Мы переступили порог предбанника чистой зоны. Автоматика с щелчком сбросила элек- тромагнитные замки шейных фиксаторов.

После первой встречи на пандусе я видела Седова лишь урывками — за стеклом визора, в полутьме лаборатории. Я представляла его суровым, выгоревшим дотла полевым волком с ожесточенным лицом. Но когда он стянул с головы тяжелый капюшон и маску, мое сердце гулко замерло.

Перед моим взором предстало потрясающе мужественное, открытое лицо с благородной лепкой скул, волевой ямочкой на подбородке и серо-стальными глазами, в глубине которых светилась бесконечная, согревающая нежность. На висках серебрилась ранняя седина, а у глаз залегли глубокие морщины предельной усталости.

Я подняла ослабевшие руки, расщелкнула клипсы своего шлема и стянула респиратор. Влажные темные волосы рассыпались по плечам. Я запрокинула голову, с наслаждением делая первый глубокий вдох чистого, теплого воздуха.

Наши взгляды встретились без стекол, фильтров и барьеров. В тишине умывальной ком- наты словно прошел немой электрический ток: мы смотрели друг на друга не просто как виру- солог и главврач, а как мужчина и женщина, только что вместе вырвавшиеся из пасти чудо- вища.

Я подошла к белой раковине и подняла глаза на зеркало. Мое отражение заставило меня вздрогнуть: тонкая светлая кожа на переносице, скулах и подбородке была содрана в кровь жестким резиновым обтюратором маски; на лице горели багровые гематомы и волдыри кон- тактного дерматита. Я открыла кран, желая ополоснуть лицо прохладной водой, но едва влага коснулась ссадин, кожу пронзила невыносимая, жгучая боль.

Я тихо вскрикнула, закусив губу, и попыталась прижать к щеке полотенце. Ткань мгновенно прилипла к кровоточащим ранам, по щеке покатилась одинокая горячая слезинка.

— Стой. Не трогай, — раздался за спиной голос Седова.

Он уже успел переодеться в чистые темные брюки и тонкую нательную футболку, подчеркивавшую рельеф мощных плеч. Увидев мое лицо, он нахмурился, и в его глазах вспыхнула острая боль сострадания.

— Ерунда, Игорь, — попыталась улыбнуться я через силу. — Обычный след от СИЗ. До свадьбы заживет.

Он молча подошел, осторожно перехватил мое запястье и отвел полотенце в сторону:

— Ты сожжешь поврежденный эпителий водой из-под крана. У меня есть таежный бальзам, я сам его варю. Пойдем в ординаторскую.

Он набросил мне на плечи сухое теплое махровое полотенце и вывел в тихий коридор административного корпуса. Из вентиляционных решеток тянуло ледяным таежным сквозняком, меня начала сотрясать крупная судорожная дрожь нервного истощения. Седов не дал мне сделать и трех шагов на холоде: распахнул массивную филленчатую дверь ординаторской, бережно завел меня внутрь и повернул кованую щеколду, отрезая нас от ледяной тьмы больничного ада.

Глава

4

В ординаторской царил живительный, сказочный покой. Стрелки настенных часов показывали ровно два часа ночи. В углу уютно гудела чугунная печь-буржуйка, постреливая сухими березовыми поленьями и отбрасывая оранжевые живые блики на бревенчатые стены. Пахло смолой, нагретым чугуном и сухими травами.

Я опустилась на деревянный табурет у самого огня, протягивая озябшие пальцы к раскаленной дверце, но влажная хлопковая рубашка остывала быстрее, чем грело пламя; меня колотило от внутреннего холода.

Седов подошел сзади, держа в руках огромный темно-серый свитер грубой шерстяной вязки с высоким воротом. Осторожно, словно боясь причинить мне боль, он опустил его мне на плечи и помог продеть руки в широкие рукава.

Свитер укутал меня сухим, плотным жаром. Он пах кедровой хвоей, морозным ветром и терпким, чистым мускусом его тела. Я буквально утонула в этой безразмерной шерстяной броне, чувствуя, как свинцовая дрожь в суставах медленно тает, уступая место глубокому расслаблению.

Седов придвинул низкую скамеечку, поставил на край столика берестяную баночку с темной мазью и сел прямо напротив меня.

— Сейчас полечим твои боевые шрамы, — негромко сказал он, беря тонкий стеклянный шпатель.

Но едва холодное стекло коснулось воспаленной скулы, я невольно вздрогнула и отпрянула.

Седов тут же отложил инструмент на салфетку:

— Дурак я, прости. Металл и стекло в печенках сидят.

Он зачерпнул подушечками пальцев каплю золотистого состава и начал медленно растирать ее между своими широкими, горячими ладонями. Мазь плавилась от тепла его рук, наполняя комнату густым ароматом кедровой живицы, пчелиного воска, прополиса и дикой облепихи.

Он снова протянул руку к моему лицу. Я инстинктивно задержала дыхание, смущенная столь интимной близостью его сильного тела и пристальным взглядом серых глаз, смотревших прямо в мою душу.

Седов замер. Его левая рука очень бережно, невесомо легла мне на затылок, пальцы мягко зарылись в темные пряди волос, фиксируя голову, а большой палец правой руки завис в миллиметре от моей щеки:

— Не бойся, Жанна. Доверься мне. Я не сделаю больно.

Его низкий, бархатный голос звучал так надежно, что всё мое внутреннее напряжение рассыпалось в прах. Я закрыла глаза и замерла, вверяя себя его ладоням.

Вместо ожидавшейся боли по ссадинам разлилась целебная, блаженная прохлада. Мозолистый, шершавый палец хирурга касался моей переносицы, скул, висков и воспаленных крыльев носа с такой благоговейной, трепетной нежностью, словно он прикасался к тончайшему фарфору. Жгучая пульсация ран угасала, сменяясь мягким онемением, а по моей коже одна за другой бежали сладкие мурашки.

Сердце заколотилось где-то у самого горла. Не выдержав, я открыла глаза, подняла руку и накрыла своими пальцами его широкую, горячую ладонь прямо на своей щеке, прижимая ее к лицу.

Седов вздрогнул. Его дыхание сбилось, взгляд потемнел, став глубоким и бездонным. Между нами больше не осталось пространства: в тишине ординаторской за тысячи километров от дома две измученные души нашли друг друга.

Он медленно, неохотно опустил руку и поднялся к столу, где уютно сопел старинный тульский самовар.

— Будем пить таежный взвар, — глуховато произнес он, поворачивая медный краник.

В глиняные кружки полился рубиновый, парящий настой.

— Здесь бадан, сушеная черника, чабрец и ложка таежного меда. Пей маленькими глотками.

Я обхватила кружку обеими ладонями. Горячий, пряный настой с привкусом лесного лета растопил остатки озноба. Седов достал из шкафа берестяной туесок и высыпал на блюдце горсть подсушенных ломтей ржаного хлеба с тмином.

— Спасибо, Игорь, но я не смогу, — покачала я головой. — После вида этой геморрагической пены кусок в горло не лезет.

Седов сдвинул брови, притворно нахмурившись:

— Это не предложение, доктор Вольская. Это врачебное предписание главврача. В вас веса сорок пять килограммов в прыжке, а впереди война с эпидемией. Ешьте сухарь, иначе лично поставлю капельницу с глюкозой на всю ночь!

Глядя на этого двухметрового великана, который с напускной грозностью отчитывал меня, держа в огромной ручище крошечный сухарик, я не сдержалась и звонко, заливисто рассмеялась — впервые за долгие недели ледящего страха.

Суровое лицо Седова озарилось широкой, сияющей мальчишеской улыбкой. Я взяла сухарь, с хрустом надкусила и запила сладким взваром.

В этот момент в дверь ординаторской негромко и торопливо постучали.

На пороге появилась медсестра Ксения. Глаза девушки были красными от слез, нижняя губа дрожала:

— Игорь Данилович, Жанна Андреевна... простите... Смена сдана, но у меня беда...

* * *

Мы мгновенно поднялись.

— Ксюша, что случилось? Грачёв? — тревожно спросила я, запахивая свитер.

— Нет, дядя Миша спит, сатурация девяносто пять, — всхлипнула Ксения. — Дома беда... В поселке...

В без четверти три ночи мы перешли в сестринскую комнату. На столе лежал детский рисунок: кривое желтое солнце, березка и неровная надпись печатными буквами: «Мама, не болей».

Ксения призналась, что ее пятилетняя дочь Анютка осталась с престарелой соседкой в рабочем поселке за оцеплением. У девочки ночью подскочила температура за сорок, начался лающий кашель, а поселковая аптека разграблена в первый же день паники.

В аптечном блоке стационара Ксения дрожащими руками пыталась кухонным ножом разрезать взрослую таблетку парацетамола по 500 мг. Таблетка крошилась в неравномерный порошок.

— Стой! — я мягко, но твердо отвела ее руку. — Ты ошибешься в дозировке и сожжешь ребенка печень токсическими метаболитами. Нужна чистая субстанция.

Я включила прецизионные аналитические весы, отмерила чистый субстанциионный порошок парацетамола строго по формуле: пятнадцать миллиграммов на килограмм веса при массе девочки восемнадцать килограммов — ровно двести семьдесят миллиграммов на разовую дозу. Добавив чистую кристаллическую глюкозу, я перетерла смесь в агатовой ступке до шелковистой пудры и расфасовала в десять воощенных аптечных пакетиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.